

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Белкин Д.С. Lex Constructionis: унификация юрисдикционных принципов в международном строительном контрактном праве // Genesis: исторические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.11.72755
EDN: BGESFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72755

Lex Constructionis: унификация юрисдикционных принципов в международном строительном контрактном праве

Белкин Дмитрий Семенович

ORCID: 0009-0003-1532-1958

старший преподаватель; кафедра международного права; Славяно-Греко-Латинская Академия

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 20, каб. 201

✉ dmitryb81@gmail.com



[Статья из рубрики "Научные школы и концепции"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.11.72755

EDN:

BGESFE

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2024

Аннотация: В статье описывается проведённое исследование концепции Lex Constructionis, направленное на унификацию юрисдикционных принципов и материально-правовых норм, применяемых в международном строительном контрактном праве. Особое внимание уделено историческим предпосылкам формирования этой концепции, её доктринальным основам и роли в обеспечении предсказуемой и единообразной правоприменительной практики. В центре внимания находятся международные строительные контракты, которые часто вовлекают участников из различных правовых систем, что приводит к сложным коллизиям норм, вопросам арбитральности и проблемам признания арбитражных решений. Предметом исследования становится правовая среда, в которой функционируют крупномасштабные инфраструктурные проекты в современном многополярном мире. Цель исследования — продемонстрировать, каким образом Lex Constructionis может послужить инструментом гармонизации правовых механизмов, повышая эффективность регулирования международных строительных проектов и способствуя предсказуемости судебных и

арбитражных решений. Исследование раскрывает содержание базовых принципов Lex Constructionis, их релевантность и практическую пользу для всех участников международных строительных правоотношений. Для проведения исследования использованы как первичные, так и вторичные источники информации. Анализ осуществлён на основе опубликованных научных работ, международных стандартов и практик. Основными методами исследования стали анализ существующей литературы, сравнительно-правовой анализ различных юрисдикционных систем, а также оценка правоприменимой практики в контексте Lex Constructionis. Научная новизна заключается в комплексном подходе к исследованию концепции Lex Constructionis, предлагающей унификацию не только юрисдикционных принципов, но и ключевых материальных норм. Результатом становится более цельное понимание того, как арбитрабильность, признание арбитражных решений, выбор применимого права и юрисдикционные оговорки могут быть интегрированы в единую систему. Выводы исследования отражают необходимость дальнейшего развития Lex Constructionis для повышения предсказуемости и прозрачности правоприменения, уменьшения количества споров и упрощения процедуры их разрешения. Подчёркивается важность согласования национальных и международных стандартов, расширения арсенала альтернативных методов регулирования споров, а также приводится оценка существующих коллизий правовых систем. Предлагаемые рекомендации и указание на перспективные направления исследований формируют основу для совершенствования правовых механизмов, обеспечивая высокую степень гармонизации в сфере международного строительного контрактного права.

Ключевые слова:

Lex Constructionis, международное строительное право, МСКП, юрисдикционные принципы, арбитраж, юрисдикционные оговорки, коллизия правовых систем, арбитрабильность, признание арбитражных решений, международные строительные контракты

Введение термина «Lex constructionis» иллюстрирует усилия международного сообщества, направленные на унификацию и гармонизацию правовых механизмов, применяемых в сфере международного строительного права. Как самостоятельная концепция, развивающаяся из доктрины «lex mercatoria», «Lex constructionis»⁰ ставит своей целью формирование предсказуемого и унифицированного подхода к интерпретации положений международных строительных контрактов. Эта концепция приобретает особую значимость в условиях построения многополярного мира, когда реализация крупных инфраструктурных проектов предполагает участие подрядчиков, инвесторов и иных субъектов из различных правовых систем.

Всё большее вовлечение России в глобальные экономические процессы и участие в таких организациях как БРИКС, даёт новые возможности работы российским компаниям и предпринимателям в международных проектах и обуславливает возрастание роли судебных органов в регулировании споров, связанных с международными контрактами. Вопросы юрисдикции при разрешении внешнеэкономических споров подчиняются нормам международного частного права, одной из ключевых отраслей которого является международное процессуальное право. Эта отрасль представляет собой совокупность норм национального и международного характера, регулирующих процессуальные отношения, осложненные участием иностранных субъектов [\[1\]](#). Изучение данной области

права может существенно способствовать повышению эффективности правоприменительной практики и снижению количества правовых споров.

Для проведения исследования использованы как первичные, так и вторичные источники информации. Анализ произведен на основе опубликованных научных работ, международных стандартов и практик. Основными методами исследования стали анализ существующей литературы, сравнительно-правовой анализ различных юрисдикционных систем, а также оценка правоприменительной практики в контексте *Lex constructionis*.

Концепция *Lex constructionis* берет свое начало из традиции *Lex mercatoria*, которая возникла как способ регулирования коммерческих споров в эпоху Средневековья, предоставляя универсальные правила для купцов, действующих за пределами национальных границ [2]. *Lex constructionis* призвано обеспечить аналогичную роль в международных строительных контрактах, способствуя их единообразию и предсказуемости. В этом контексте особое внимание уделяется юрисдикционным оговоркам, которые играют ключевую роль в таких контрактах, определяя, какие суды или арбитражные трибуналы будут рассматривать споры, возникающие из них. Вопросы юрисдикции являются сложными и зависят от множества факторов, включая выбор права, характер спора и предпочтения сторон. Как отмечает Околи, исключительные юрисдикционные оговорки предоставляют сторонам определенность и позволяют избежать многозначности, тогда как не исключительные и асимметричные оговорки могут предлагать больше гибкости, но и больше возможностей для конфликта [3].

Достижение цели правового регулирования требует создания действенного механизма для защиты нарушенных прав. В структуре права формируются две взаимосвязанные группы норм — материальные и процессуальные, каждая из которых выполняет свою специфическую роль в правовой системе. Материальные нормы регулируют основные права и обязанности сторон, определяя правомерное и противоправное поведение. Однако их действие будет неполным без механизмов, обеспечивающих их практическую реализацию. Для этого существуют процессуальные нормы, устанавливающие порядок разрешения правовых споров и защиты прав. Соответственно, материальные и процессуальные нормы дополняют друг друга в правовом регулировании [4]. В подтверждение этой мысли С.С. Алексеев справедливо указал на важность правовой системы, которая призвана обеспечить нормативную защиту основополагающих принципов цивилизации. Эти принципы должны не только находить свое отражение в праве, но и реализовываться на практике, обеспечивая их реальность и применение в различных сценариях, включая конфликтные [5]. Роль права заключается не только в создании норм для «мирного» взаимодействия субъектов, но и в том, чтобы предложить действенные механизмы для разрешения юридических конфликтов и защиты прав в условиях правовых споров.

Одним из ключевых элементов, который формирует основу процессуального права, является принцип мирного урегулирования споров. Этот принцип отражает стремление правовых систем к обеспечению правосудия без применения насилия и враждебных действий. Он играет важную роль как в национальных, так и в международных правовых системах, обеспечивая стабильность и предсказуемость правовых отношений. В то же время, хотя данный принцип универсален, его реализация в разных правовых системах может значительно различаться.

Например, в международном публичном праве субъекты конфликта являются суверенными государствами, обладающими правом самостоятельного выбора способа

разрешения спора, что требует взаимного согласия всех сторон. Суверенитет государств усложняет процесс урегулирования, особенно при существенных расхождениях интересов. В международном частном праве ситуация иная: здесь речь идёт о частных лицах и компаниях, и механизмы разрешения споров базируются на коммерческих интересах сторон. Такие споры часто касаются исполнения контрактных обязательств, возмещения убытков или нарушения условий соглашений, что требует гибкости в применении норм права.

А.Н. Кузбагаров выделяет несколько характеристик, присущих международным частноправовым спорам. Во-первых, они представляют собой юридические конфликты между частными субъектами. Во-вторых, важным отличием является субъектный состав споров: физические лица, компании и корпорации, действующие в разных правовых системах [\[6\]](#). Наличие иностранного элемента часто определяет выбор применимого права и юрисдикции для разрешения спора.

Право на судебную защиту является важнейшим конституционным принципом в правовых государствах, закреплённым как в национальных конституциях, так и в международных правовых документах, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Однако судебная форма урегулирования споров не является единственным способом разрешения конфликтов. В правовых системах большинства государств предусмотрены альтернативные механизмы, такие как арбитраж, медиация и другие способы внесудебного урегулирования споров, предпочтительные для многих частных субъектов, стремящихся избежать длительных судебных процессов.

Различные государства предоставляют сторонам возможность выбора способа разрешения конфликта в зависимости от характера спора и предпочтений сторон. В России Конституция закрепляет право каждого гражданина защищать свои права и свободы любыми не запрещёнными законом способами, что подчёркивает принцип автономии воли сторон. Этот принцип позволяет участникам спора выбирать наиболее приемлемые способы его разрешения в рамках правовой системы страны [\[7\]](#).

Принцип автономии воли сторон является фундаментальным в международном строительном праве и играет ключевую роль не только в арбитраже, но и в других альтернативных методах разрешения споров, таких как медиация и переговоры. Он предоставляет сторонам возможность самостоятельно определять способ и условия урегулирования конфликта, что способствует созданию гибких правовых механизмов, адаптированных к специфике каждого случая. Государственная поддержка и признание этих методов усиливают их легитимность и расширяют возможности участников международных строительных контрактов в выборе наиболее эффективных способов защиты своих прав.

Несмотря на возможность использования альтернативных методов, иногда сторонам не удается прийти к согласию по поводу примирительных процедур. В таких случаях другая сторона сохраняет право на обращение в суд для защиты своих прав. Это является важным элементом правовой системы, так как государственные судебные органы всегда остаются последней инстанцией для разрешения споров, если другие методы не приводят к положительному результату.

Примирительные процедуры, обладая гибкостью и добровольным характером, представляют собой эффективный инструмент для быстрого урегулирования споров. Они могут быть инициированы на любой стадии разбирательства, включая судебный процесс, что позволяет сторонам достичь соглашения без строгой формализации, характерной для

государственных процедур. Основными методами являются переговоры, посредничество и примирение, направленные на предотвращение длительных и затратных судебных процессов. В отличие от судебных решений, примирительные методы предоставляют участникам возможность самостоятельно определять условия урегулирования, что повышает удовлетворённость сторон итоговым результатом. Их добровольная природа исключает принуждение, обеспечивая гибкость в подходе к решению споров. По мнению Д.А. Суворова, примирительные процедуры представляют собой уникальный способ урегулирования конфликтов, которые затрагивают как права и свободы граждан, так и законные интересы юридических лиц. Суворов подчёркивает, что такие процедуры могут проводиться как с участием третьей стороны, так и без неё, в зависимости от характера спора и предпочтений участников [8]. Это определение демонстрирует гибкость примирительных методов, которые могут быть адаптированы под конкретные обстоятельства спора, что делает их универсальным инструментом для разрешения конфликтных ситуаций.

Как уже было сказано ранее, примирительные методы могут быть использованы не только до начала судебного процесса, но и на его различных этапах. Это означает, что стороны могут обращаться к таким способам урегулирования спора как до начала юрисдикционного процесса, так и в его ходе. Это значительно расширяет возможности участников спора, предоставляя им альтернативные пути для достижения консенсуса. В международных строительных контрактах эта гибкость имеет особое значение, поскольку позволяет учитывать многообразие правовых систем и юрисдикций.

Юрисдикционные методы, включая арбитраж и судебное разбирательство, основаны на передаче спора третьей стороне с полномочиями вынести обязательное для исполнения решение. В отличие от примирительных процедур, они предполагают более строгую формализацию процесса и требуют соблюдения установленных правовых норм. В международных строительных контрактах это особенно важно, так как участники из разных юрисдикций должны быть готовы принять результат разбирательства, даже если он не совпадает с их ожиданиями.

Термин «юрисдикция» имеет множество значений в правовой доктрине, и его интерпретация может варьироваться в зависимости от контекста. Некоторые правоведы рассматривают юрисдикцию как подведомственность дел, в то время как другие акцентируют внимание на полномочиях по рассмотрению и разрешению споров. В международных спорах термин «юрисдикция» также связан с вопросами, касающимися выбора компетентного органа для разрешения спора, особенно если стороны принадлежат к разным правовым системам.

Многие учёные обращают внимание на многоаспектность термина «юрисдикция», указывая на его связь с правоприменительной, правоохранительной и подзаконной деятельностью государственных органов [9]. В большинстве случаев юрисдикция ассоциируется с осуществлением правоприменительной деятельности, где органы власти выполняют функции по разрешению споров и применению правовых норм. Этот аспект имеет особое значение в международных строительных контрактах, где вопросы юрисдикции часто определяют, какие правовые нормы будут применяться для урегулирования спора.

Государственная юрисдикция представляет собой совокупность правовых полномочий, предоставляемых государственным органам для регулирования различных сфер общественных отношений и разрешения правовых вопросов. Эти полномочия основаны на законодательных и нормативных правовых актах, что придает юрисдикционным

органам возможность выполнять широкий спектр правоприменительных функций. В.В. Головко определяет юрисдикцию как право государственного органа или должностного лица на основе закона или иных нормативных актов регулировать общественные отношения. При этом юрисдикция охватывает не только национальные, но и международные вопросы, что усиливает её значение в условиях глобализации правовых систем [\[10\]](#).

Такая многослойность юрисдикции позволяет государственным органам реализовывать свои полномочия в рамках законодательной, судебной и исполнительной деятельности. В частности, законодательные органы создают нормы права, регулирующие общественные отношения, а исполнительные органы обеспечивают их выполнение. Судебные же органы, входящие в систему государственной юрисдикции, выступают основным механизмом разрешения правовых споров, что закрепляет их ключевую роль в правовой системе. Однако важно отметить, что государственная юрисдикция не ограничивается только судебной деятельностью, охватывая более широкий спектр государственных функций.

Понятие юрисдикции часто ассоциируется с понятием правосудия, поскольку судебные органы являются основными структурами, которые рассматривают правовые споры и выносят решения, обязательные для исполнения. Правосудие, безусловно, представляет собой важнейший элемент юрисдикционной деятельности, но это далеко не единственная её составляющая. Как отмечается в правовой доктрине, правосудие — это лишь одна из сторон юрисдикции, в то время как другие органы государственной власти также участвуют в процессе регулирования правовых отношений. В этом смысле юрисдикция является более широким понятием, чем правосудие, и охватывает множество функций, включая правоприменение и контроль за соблюдением законов [\[11\]](#).

Судебные органы, несмотря на свою центральную роль в правоприменительной системе, не являются единственными структурами, которые занимаются разрешением правовых споров. В рамках современных правовых систем существует множество альтернативных органов, которые обладают юрисдикцией на рассмотрение споров, хотя они и не относятся к системе государственных судов. Это расширение концепции юрисдикции позволяет более гибко реагировать на запросы общества и бизнеса, особенно в условиях увеличения международных правовых отношений и трансграничных споров.

Одной из таких альтернативных форм юрисдикции является третейский суд (арбитраж), который в последнее время получил значительное развитие в международной практике. В рамках концепции «частной юрисдикции», третейские суды рассматриваются как органы, которые обладают полномочиями по разрешению споров, но при этом не являются государственными органами. Как отмечает Г.Л. Осокин, третейские суды функционируют как органы альтернативной юрисдикции, предоставляя сторонам спора возможность самостоятельно выбирать способ урегулирования конфликта. Третейский суд не связан с государственным регулированием, что придает ему гибкость и независимость в процессе принятия решений [\[12\]](#).

Альтернативная юрисдикция, представленная третейскими судами, имеет свои особенности и преимущества, особенно в контексте международных споров. Такие суды могут рассматривать вопросы, касающиеся частных лиц и компаний, действующих в разных юрисдикциях, что делает их популярным инструментом для разрешения трансграничных коммерческих споров. В отличие от государственных судов, решения третейских судов не всегда подлежат апелляции, что позволяет ускорить процесс

урегулирования и избежать длительных процедур, связанных с государственными судами. Это делает арбитраж предпочтительным методом для многих участников международных строительных контрактов, стремящихся к быстрому и эффективному разрешению споров.

Помимо арбитражных судов, к юрисдикционным органам могут относиться различные комиссии, такие как комиссии по трудовым спорам, которые играют значительную роль в правоприменительной практике. В своем исследовании А.Н. Балашов указывает на то, что такие комиссии обладают полномочиями, сходными с государственными судебными органами, но при этом действуют в рамках специализированной юрисдикции. Комиссии по трудовым спорам рассматривают вопросы, связанные с нарушением трудовых прав работников и работодателей, что делает их важным элементом правовой системы [\[13\]](#).

Комиссии по трудовым спорам имеют особое место в системе юрисдикционных органов, так как они предоставляют альтернативный путь для урегулирования споров без обращения в государственные суды. Это позволяет сторонам трудовых конфликтов разрешать споры в более быстром и менее формализованном порядке. Важно отметить, что решения таких комиссий также обладают юридической силой и могут быть обязательными для исполнения, что делает их эффективным инструментом для защиты прав участников трудовых отношений. Это подчеркивает значимость альтернативных юрисдикционных органов в современной правовой системе и необходимость их дальнейшего изучения и развития [\[14\]](#).

В.Ф. Попондопуло вводит термин «юрисдикция» в более узком значении, акцентируя внимание на том, что она представляет собой деятельность юрисдикционного органа по разрешению споров. При этом он обращает особое внимание на такие социальные институты, как частные (или контрактные) юрисдикции, которые являются важной частью правовой системы. Эти институты основываются на договоренности между сторонами и, что важно, признаются государственной властью. В данном контексте, частные юрисдикции — это механизмы, позволяющие заинтересованным лицам эффективно разрешать конфликты на основе их собственных соглашений и с минимальным вмешательством со стороны государства. Это подчёркивает гибкость правовых систем, которая позволяет использовать такие институты для разрешения споров на уровне, отличном от традиционного государственного правосудия [\[15\]](#).

Частные юрисдикции, в отличие от государственных, опираются на автономию воли сторон, что делает их особенно востребованными в международных строительных контрактах. Сложность таких контрактов заключается в пересечении интересов различных юрисдикций, а также в многообразии сторон, участвующих в проекте. В таких условиях стороны стремятся минимизировать возможные конфликты, заранее согласовывая порядок их разрешения в рамках частной юрисдикции. Государственная власть признаёт такие договорённости, однако с определёнными ограничениями, что накладывает особую ответственность на стороны при выборе частных институтов для урегулирования споров. Таким образом, концепция частной юрисдикции играет важную роль в международном строительном праве, в том числе в рамках "Lex Constructionis", где ключевое значение имеет предсказуемость правоприменительной практики.

Однако частная юрисдикция не является полностью независимой от государства, и её возможности ограничены законодательством. Государство само устанавливает, какие категории споров могут быть разрешены третейскими судами или арбитражами. Этот процесс нормативного регулирования называется «арбитрабильностью» и представляет

собой важный элемент правовой системы. Арбитрабильность определяет границы компетенции арбитражей и иных частных институтов, что позволяет государству контролировать правоприменение в рамках частной юрисдикции [\[16\]](#). Ограничения, накладываемые государством, направлены на обеспечение правопорядка и защиту интересов сторон, что особенно важно в условиях международных споров, где может возникнуть конфликт между правовыми системами разных стран.

Теория арбитрабильности начала развиваться в западных правовых доктринах. Изначально термин и концепция появились в работах западных учёных, которые стремились создать универсальную правовую категорию для описания возможностей и пределов арбитражных разбирательств. Арбитрабильность призвана определить, какие споры могут быть переданы на рассмотрение арбитражных судов, а какие остаются в исключительной компетенции государственных судов. Это деление стало основой для многих современных правовых систем, где арбитражи играют значительную роль в урегулировании коммерческих споров [\[17; 18; 19\]](#).

В то время как концепция арбитрабильности была разработана в западной правовой науке, она получила широкое распространение и в российской правовой системе. Несмотря на то, что в российском законодательстве термин «арбитрабильность» пока не имеет официального статуса и не закреплен на уровне закона, он активно используется в доктринальных исследованиях. В отечественной правовой науке сформировалась устоявшаяся концепция, которая основывается на идеях западных юристов, но адаптирована к российским реалиям. Это позволяет правоведам и практикам использовать понятие арбитрабильности для более точного регулирования арбитражных процессов в российской правовой системе [\[20\]](#).

Важным аспектом является то, что арбитрабильность, несмотря на отсутствие в законодательстве, уже давно вошла в российскую правоприменительную практику. В частности, термин активно используется судебными органами при рассмотрении дел, касающихся арбитражных разбирательств. Это особенно заметно в практике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Например, в ряде постановлений Президиума ВАС РФ, таких как постановления № 8141/12 от 13 ноября 2012 г., № 11535/13 от 28 января 2014 г. и № 11059/13 от 11 февраля 2014 г., был использован термин «неарбитрабильный» спор, что подтверждает важность этого понятия в российской правоприменительной практике.

Использование термина «неарбитрабильность» в российской правовой практике указывает на то, что государственные суды признают наличие ограничений на использование арбитражных процедур. В этих постановлениях подчеркивается, что не все споры могут быть переданы на рассмотрение арбитражных судов, что связано с вопросами публичного порядка и защитой прав граждан. Эта практика подтверждает, что, несмотря на доктринальную природу термина «арбитрабильность», он уже занял своё место в российской юридической практике. Это делает его актуальным не только для теоретических исследований, но и для практического применения в контексте частных и государственных юрисдикций.

Третейское разбирательство представляет собой один из наиболее распространённых и эффективных методов урегулирования международных частноправовых споров, особенно в таких областях, как международная торговля и международные строительные контракты в рамках Lex Constructionis. Этот метод даёт сторонам спора возможность избежать национальных судебных процедур, выбирая более гибкий и часто более

предсказуемый путь разрешения конфликтов. Международный коммерческий арбитраж играет здесь ключевую роль, так как строительные проекты часто вовлекают участников из различных стран с разными правовыми системами, и арбитраж даёт возможность найти общий язык при решении сложных споров, касающихся исполнения международных контрактов.

Тем не менее, в правовой науке продолжается активная дискуссия относительно того, можно ли считать арбитраж юрисдикционным органом в строгом смысле. Вопрос о том, относится ли арбитраж к категории судов, вызывает ещё большее количество споров среди правоведов и практиков. Некоторые исследователи утверждают, что к судам можно относить не только государственные судебные органы, но и другие структуры, такие как третейские суды (арбитражи). Более того, квазисудебные органы, такие как комиссии по трудовым спорам, корпоративные дисциплинарные комиссии, квалификационные коллегии судей и адвокатов, а также другие специализированные органы, которые принимают решения на основе правовых норм, также могут рассматриваться как своего рода суды [\[21\]](#).

Эта точка зрения утверждает, что указанные органы, несмотря на их негосударственный статус, играют важную роль в урегулировании правовых споров и по своей функции сходны с государственными судами. Например, квалификационные коллегии адвокатов рассматривают споры, касающиеся этики и профессиональных стандартов, что делает их деятельность квазисудебной. Также существуют иные образования, как, например, органы, утверждающие договоры купли-продажи земли, или комиссии, которые занимаются трудовыми конфликтами, играющие важную роль в регулировании социально-правовых отношений. Эти структуры выполняют функции, аналогичные судам, принимая обязательные для сторон решения [\[22\]](#).

Однако такая позиция не полностью соответствует российскому законодательству, которое чётко определяет, что судом может быть только орган, входящий в судебную систему Российской Федерации или другого государства. В статье 2 Федерального закона № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29 декабря 2015 года прямо указано, что под термином «суд» понимается исключительно орган судебной системы соответствующего государства. Аналогичное положение содержится в статье 2 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», где уточняется, что термин «суд» применим только к государственным судебным органам, наделённым полномочиями осуществлять правосудие.

Следовательно, в России полномочия по осуществлению правосудия законодательно закреплены исключительно за государственными судами. Хотя другие юрисдикционные органы, такие как третейские суды и арбитражи, могут играть значительную роль в урегулировании споров, их деятельность не является осуществлением правосудия в полном смысле этого слова. Арбитражные решения, хотя и обязательны для сторон, всё же не приравниваются к решениям государственных судов, поскольку они основываются на частных соглашениях сторон, а не на государственной власти. Это важное различие подтверждает тезис о том, что арбитражи не являются носителями судебной власти и не могут выполнять функцию правосудия в том виде, как это делает государственная судебная система [\[23\]](#).

Н.Л. Кузьмичев отмечает, что Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) трактует понятие суда шире, чем это принято в российской правовой системе. В России суды

традиционно являются государственными органами, встроенными в судебную систему страны, и их решения основываются на национальном законодательстве. Однако в практике ЕСПЧ судами могут признаваться юрисдикционные органы, не входящие в государственную судебную систему.

Согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, каждый имеет право на справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Это положение расширяет понимание суда, подчёркивая важность независимости и беспристрастности юрисдикционных органов. Кузьмичев выделяет критерии, которым должен соответствовать такой орган: независимость от исполнительной власти и сторон спора, беспристрастность и компетентность [\[24\]](#).

Эти критерии имеют особое значение в контексте международных строительных контрактов, где участие сторон из разных юрисдикций требует доверия к механизмам разрешения споров. Соответствие юрисдикционных органов международным стандартам справедливого разбирательства способствует укреплению этого доверия и обеспечивает предсказуемость правоприменительной практики, что является одной из целей концепции *Lex Constructionis*.

Важно также учитывать нюансы перевода термина «law» в статье 6 Конвенции. В английской версии используется выражение «tribunal established by law», где «law» может относиться как к национальному законодательству, так и к международным правовым нормам. Это различие имеет значение для понимания того, какие органы могут считаться судами в международном праве, и подчеркивает необходимость точной терминологии при унификации юрисдикционных принципов.

Учёт международных стандартов и гибкость в понимании понятия суда являются ключевыми для унификации юрисдикционных принципов в международном строительном контрактном праве. Это способствует реализации целей *Lex Constructionis* по созданию надёжных и предсказуемых механизмов разрешения споров в глобальном строительном секторе.

Некоторые исследователи предлагают использовать термин «правозащитная юрисдикция», который лучше отражает деятельность различных судебных, квазисудебных и примирительных органов. Этот термин описывает юрисдикционные органы, деятельность которых направлена на защиту прав сторон в процессе разрешения споров. Однако даже этот термин имеет свои ограничения, так как он может быть применён не только к судебным органам, но и к другим структурам, примером таких органов могут служить центры по урегулированию споров, которые используют примирительные и альтернативные судебные процедуры для разрешения конфликтов. Их деятельность не всегда подпадает под строгое определение правоприменения, но они играют важную роль в обеспечении защиты прав сторон в споре. Некоторые исследователи отмечают, что «правозащитная юрисдикция судов составляет содержание правосудия по гражданским делам» [\[25\]](#).

В этой связи можно рассмотреть возможность использования термина «правозащитная юрисдикция» как более подходящего для описания деятельности различных органов, занимающихся разрешением споров. Этот термин может охватывать не только судебные и арбитражные органы, но и квазисудебные структуры, такие как примирительные комиссии, медиационные центры и другие институты, которые играют важную роль в разрешении юридических конфликтов. Правозащитная юрисдикция может быть

применена для описания деятельности как государственных, так и негосударственных органов, что делает этот термин более универсальным и гибким для использования в международной практике.

Тем не менее, даже термин «правозащитная юрисдикция» не является полностью точным. В правовой литературе встречаются случаи, когда этот термин используется для описания деятельности органов прокуратуры, чья работа также направлена на защиту прав граждан, но не связана с разрешением споров в судебном порядке [\[26; 27\]](#). Это приводит к необходимости дальнейшего уточнения терминологии и разработки более точных понятий, чтобы избежать путаницы между функциями различных органов, занимающихся защитой прав.

Концепция Lex Constructionis представляет собой важную веху в развитии международного строительного права и призвана улучшить правоприменительную практику, создавая более унифицированные и предсказуемые условия для разрешения споров в этой сфере. Эта концепция направлена на упрощение урегулирования конфликтов между участниками строительных проектов, снижая потенциальные юридические риски для сторон. Она предлагает механизм, при котором правовые нормы и стандарты применяются единообразно независимо от юрисдикции, что крайне важно в условиях построения многополярного мира и одновременной глобальной интеграции рынков. Однако, чтобы полностью реализовать потенциал Lex Constructionis, необходимы дальнейшие исследования и разработки.

В ходе данного исследования была проанализирована концепция Lex Constructionis, представляющая собой попытку унификации юрисдикционных принципов в МСПК. Выявлено, что Lex Constructionis может сыграть значительную роль в обеспечении предсказуемости правоприменительной практики, особенно в условиях многообразия национальных правовых систем. При этом применение юрисдикционных оговорок, регулирование коллизий законов и признание арбитражных решений продолжают оставаться вызовом, требующим координированных усилий со стороны международного сообщества.

Для повышения эффективности Lex Constructionis необходимо усиление внимания к унификации правовых норм, касающихся международной судебной юрисдикции, а также арбитрабильности споров. Также следует обратить внимание на разработку более гибких арбитражных процедур, адаптированных для специфики международных строительных контрактов, что позволит сторонам минимизировать риски и затраты на урегулирование споров.

Проведённый анализ правоприменительной практики, хотя и в общих чертах, указывает на перспективы развития Lex Constructionis, где более тесное взаимодействие между материальными и процедурными нормами может усилить предсказуемость и эффективность регулирования международных строительных контрактов.

Lex Constructionis — важный инструмент для международного строительного права, однако для полной реализации его потенциала необходимы дальнейшие исследования и доработка правовых механизмов. Унификация юрисдикционных принципов должна сочетаться с усилением механизмов альтернативного урегулирования споров, что создаст прочную правовую основу для участников международных строительных контрактов и повысит доверие к правоприменительным институтам.

Библиография

1. Ерпылева Н. Ю., Клевченкова М. Н. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве //Международное право и международные организации. – 2013. – Т. 3. – С. 343.
2. Berman H. J. Law and Revolution //Christian Legal Soc'y Q. – 1983. – Т. 4. – С. 12.
3. Okoli C. S. A. The significance of a forum selection agreement as an indicator of the implied choice of law in international contracts: a global comparative perspective //Uniform Law Review. – 2023. – Т. 28. – № 2. – С. 197-225.
4. Комаров С. А. Общая теория государства и права. – Общество с ограниченной ответственностью Издательство ЮРАЙТ, 2019.
5. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. – ООО «Издательство «СТАТУТ», 1999.
6. Кузбагаров А. Н. Примирение сторон по конфликтам частноправового характера : дис. – Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, 2006.
7. Канашевский В. А. Международное частное право. – Издательство" Международные отношения", 2016.
8. Суворов Д. А. Формирование принципов примирительного производства в спорах с участниками экономической деятельности // Юрист. – 2006. – № 4. – С. 53-58.
9. Приженникова А. Н. К вопросу о понятии административной юрисдикции // Modern Trends In Scientific Thought Development. – 2011. – С. 5-6.
10. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: дис. – Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2008.
11. Шергин А. П. Административная юрисдикция. – Юрид. лит., 1979.
12. Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – Wolters Kluwer Russia, 2007.
13. Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России //Общая часть. Томск. – 2002.
14. Балашов А. Н. Комиссия по трудовым спорам как альтернативный (внесудебный) юрисдикционный орган по разрешению правовых споров // Третейский суд. – 2005. – № 4. – С. 179-184.
15. Попондопуло В. Ф., Скворцов О. Ю. (ред.). Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сборник научных статей. – Wolters Kluwer Russia, 2005. – Т. 5.
16. Скворцов О. Ю. Комментарий к Федеральному закону" О третейских судах в Российской Федерации". – Изд-во Омега-Л, 2003.
17. Mistelis L. A. Arbitrability: international & comparative perspectives. – Kluwer Law International BV, 2009. – Т. 19.
18. Arfazadeh H. Arbitrability under the New York convention: The lex fori revisited //Arbitration International. – 2014. – Т. 17. – № 1. – С. 73-88.
19. Fouchard P., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on international commercial arbitration. – Kluwer Law International BV, 1999.
20. Куделич Е. А. Арбитрабильность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком //Закон. – 2014. – № 4. – С. 94-112.
21. Суханов Е. А. Третейские суды в системе торгово-промышленных палат: состояние дел и перспективы развития //Хозяйство и право. – 2003. – № 3. – С. 73.
22. Алексеева Л. Б., Водолагин С. В., Гаджиев Г. А. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения/под общ. ред //ВА Туманова и ЛМ Энтина. М. – 2002. – С. 88.
23. Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – Wolters Kluwer Russia, 2005.
24. Кузьмичёв Н. Л. Понятие состава суда в практике Европейского суда по правам

- человека //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1 (16). – С. 208-217.
25. Власов А. А. Гражданское процессуальное право. – 2003.
26. Урываев А. В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина // Дисс. канд. юрид. наук, Саратов. – 2009.
27. Гущин В. З. Правозащитные функции военной прокуратуры в современных условиях // Журнал российского права. – 2000. – № 4. – С. 36.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, *Lex Constructionis*. Автор сосредоточил свое внимание на изучении унификации юрисдикционных принципов в международном строительном контрактном праве. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Основными методами исследования стали анализ существующей литературы, сравнительно-правовой анализ различных юрисдикционных систем, а также оценка правоприменительной практики в контексте *Lex constructionis*".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Введение термина «*Lex constructionis*» иллюстрирует усилия международного сообщества, направленные на унификацию и гармонизацию правовых механизмов, применяемых в сфере международного строительного права. Как самостоятельная концепция, развивающаяся из доктрины «*lex mercatoria*», «*Lex constructionis*» ставит своей целью формирование предсказуемого и унифицированного подхода к интерпретации положений международных строительных контрактов. Эта концепция приобретает особую значимость в условиях построения многополярного мира, когда реализация крупных инфраструктурных проектов предполагает участие подрядчиков, инвесторов и иных субъектов из различных правовых систем. Всё большее вовлечение России в глобальные экономические процессы и участие в таких организациях как БРИКС, даёт новые возможности работы российским компаниям и предпринимателям в международных проектах и обуславливает возрастание роли судебных органов в урегулировании споров, связанных с международными контрактами. Вопросы юрисдикции при разрешении внешнеэкономических споров подчиняются нормам международного частного права, одной из ключевых отраслей которого является международное процессуальное право. Эта отрасль представляет собой совокупность норм национального и международного характера, регулирующих процессуальные отношения, осложненные участием иностранных субъектов [1]. Изучение данной области права может существенно способствовать повышению эффективности правоприменительной практики и снижению количества правовых споров". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Как уже было сказано ранее, примирительные методы могут быть использованы не только до начала судебного процесса, но и на его различных этапах. Это означает, что стороны могут

обращаться к таким способам урегулирования спора как до начала юрисдикционного процесса, так и в его ходе. Это значительно расширяет возможности участников спора, предоставляя им альтернативные пути для достижения консенсуса. В международных строительных контрактах эта гибкость имеет особое значение, поскольку позволяет учитывать многообразие правовых систем и юрисдикций. Юрисдикционные методы, включая арбитраж и судебное разбирательство, основаны на передаче спора третьей стороне с полномочиями вынести обязательное для исполнения решение. В отличие от примирительных процедур, они предполагают более строгую формализацию процесса и требуют соблюдения установленных правовых норм. В международных строительных контрактах это особенно важно, так как участники из разных юрисдикций должны быть готовы принять результат разбирательства, даже если он не совпадает с их ожиданиями"; "Альтернативная юрисдикция, представленная третейскими судами, имеет свои особенности и преимущества, особенно в контексте международных споров. Такие суды могут рассматривать вопросы, касающиеся частных лиц и компаний, действующих в разных юрисдикциях, что делает их популярным инструментом для разрешения трансграничных коммерческих споров. В отличие от государственных судов, решения третейских судов не всегда подлежат апелляции, что позволяет ускорить процесс урегулирования и избежать длительных процедур, связанных с государственными судами. Это делает арбитраж предпочтительным методом для многих участников международных строительных контрактов, стремящихся к быстрому и эффективному разрешению споров"; "Частные юрисдикции, в отличие от государственных, опираются на автономию воли сторон, что делает их особенно востребованными в международных строительных контрактах. Сложность таких контрактов заключается в пересечении интересов различных юрисдикций, а также в многообразии сторон, участвующих в проекте. В таких условиях стороны стремятся минимизировать возможные конфликты, заранее согласовывая порядок их разрешения в рамках частной юрисдикции. Государственная власть признаёт такие договорённости, однако с определёнными ограничениями, что накладывает особую ответственность на стороны при выборе частных институтов для урегулирования споров. Таким образом, концепция частной юрисдикции играет важную роль в международном строительном праве, в том числе в рамках "Lex Constructionis", где ключевое значение имеет предсказуемость правоприменительной практики" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует процессы унификации юрисдикционных принципов в международном строительном контрактном праве, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Всё большее вовлечение России в глобальные экономические процессы и участие в таких организациях как БРИКС, даёт новые возможности работы российским компаниям и предпринимателям в международных проектах и обуславливает возрастание роли судебных органов в урегулировании споров, связанных с международными контрактами" - "Всё большее вовлечение России в глобальные экономические процессы и участие в таких организациях, как БРИКС, даёт новые возможности работы российским компаниям и предпринимателям в международных

проектах и обуславливает возрастание роли судебных органов в урегулировании споров, связанных с международными контрактами" (см. на опечатки).

Ученый пишет: "Как отмечает Околи, исключительные юрисдикционные оговорки предоставляют сторонам определенность и позволяют избежать многозначности, тогда как не исключительные и асимметричные оговорки могут предлагать больше гибкости, но и больше возможностей для конфликта [3]" - "Как отмечает Околи, исключительные юрисдикционные оговорки предоставляют сторонам определенность и позволяют избежать многозначности, тогда как неисключительные и асимметричные оговорки могут предлагать больше гибкости, но и больше возможностей для конфликта [3]" (орфографическая ошибка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и орфографические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 27 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, учебниками, комментарием), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Л. Б. Алексеева, С. В. Водолагин, Г. А. Гаджиев, А. В. Урываев и др.). Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в достаточной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В ходе данного исследования была проанализирована концепция *Lex Constructionis*, представляющая собой попытку унификации юрисдикционных принципов в МСПК. Выявлено, что *Lex Constructionis* может сыграть значительную роль в обеспечении предсказуемости правоприменительной практики, особенно в условиях многообразия национальных правовых систем. При этом применение юрисдикционных оговорок, регулирование коллизий законов и признание арбитражных решений продолжают оставаться вызовом, требующим координированных усилий со стороны международного сообщества. Для повышения эффективности *Lex Constructionis* необходимо усиление внимания к унификации правовых норм, касающихся международной судебной юрисдикции, а также арбитрабильности споров. Также следует обратить внимание на разработку более гибких арбитражных процедур, адаптированных для специфики международных строительных контрактов, что позволит сторонам минимизировать риски и затраты на урегулирование споров. Проведённый анализ правоприменительной практики, хотя и в общих чертах, указывает на перспективы развития *Lex Constructionis*, где более тесное взаимодействие между материальными и процедурными нормами может усилить предсказуемость и эффективность регулирования международных строительных контрактов.

Lex Constructionis — важный инструмент для международного строительного права, однако для полной реализации его потенциала необходимы дальнейшие исследования и доработка правовых механизмов. Унификация юрисдикционных принципов должна сочетаться с усилением механизмов альтернативного урегулирования споров, что создаст прочную правовую основу для участников международных строительных контрактов и повысит доверие к правоприменительным институтам"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права,

международного частного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении нарушений в оформлении работы.